

невежестве и спасти наши души от окончательного уничтожения, что ожидало бы их без божественного вмешательства. Эти души созданы не высшим Богом, а неким знатным насельником Его небесного двора (II, 36); как объяснил нам Христос, это —

существа среднего порядка, то есть они могут быть и смертными, и бессмертными: если они не знают Бога, они будут уничтожены (*ad nihilum redactae*), причем в полном смысле слова, то есть умрут окончательной смертью, *nihil residuum faciens****; но они останутся жить, если познают Христа и призовут Его на помощь (II, 14). Никто не думал делать из Арнобия учителя Церкви; тем не менее трактат «Против язычников» остается весьма поучительным документом даже со своими изъянами. Значит, к концу III века сила воздействия христианства на просвещенные умы была весьма велика, если иногда, чтобы обратиться, было достаточно лишь прикоснуться к ней.

Тональность произведений Лактанция* * * * совершенно отлична от тональности сочинений Арнобия, хотя последний преподавал ему риторику в Сикке. Сам Лактанций стал преподавателем риторики в Никомедии, обратился в христианство около 300 г., после чего перенес немало испытаний, пока в 316 г. император Константин не сделал его воспитателем своего сына. Именно к Константину обращается Лактанций в своем главном произведении — «Божественные установления» («*Institutiones divines*», 307—311). До этой апологии он написал «О творчестве Бога» («*De opificio Dei*»; 305), а после нее — около 314 г. — еще два трактата: «О гневе Божиим» («*De ira Dei*») и «О смерти гонителей» («*De mortibus persecutorum*»). Обычно Лактанций столь же миролюбив и спокоен, сколь Арнобий нервозен и взволнован. Ровное изящество его стиля не исключает, впрочем, твердости, и, как хорошо видно на примере его трактата «О смерти гонителей», этот мягкий человек был вполне способен на гнев. Его привычный тон ничем не напоминает тон памфлетиста, весьма распространенный к тому времени. Лактанций идет своей дорогой с легкостью и не спеша, без усталости объясняя и комментируя, словно на досуге, истину, которую он полюбил, наслаждаясь чистым и постоянно обновляющимся счастьем быть христианином. Это

81

1. От апологетов до святого Амвроси

чень привлекательная сторона произведений Лактанция, и остается лишь пожалеть, то с чистотой его сердца не соединилась истота разума. Полный обыденного здравого смысла, который ничто не может в нем поколебать, он способен ради того, чтобы)статься верным, не слышать голоса рассудка. «Божественные установления» содержат опоминающуюся главу об антиподах (III, 13), где Лактанций невозмутимо разоблачает глупость тех, кто верит в их существование. На это заблуждение не стоило бы обращать внимания, если бы он сам не поставил вопрос, который наглядно свидетельствует о том, куда может завести строго логическое рассуждение, исходящее из ложных посылок. Глядя на Солнце и Луну, которые восходят и заходят всегда с одной стороны, некоторые люди приходят к выводу, что эти светила продолжают кругообразное движение и что, следовательно, Вселенная круглая, как шар; Земля, находящаяся в ее центре, тоже круглая; отсюда неизбежно следует, что есть такая сторона Земли, где дождь идет снизу вверх, а люди свешиваются вниз головой. Это и есть знаменитые антиподы. Стоит спросить, заключает Лактанций, не дурная ли это шутка? Но он скорее видит здесь впечатляющий пример упорства в глупости, на которое обречены многие люди самой логикой, если они рассуждают исходя из ложных допущений.